

С. А. МИРОНОВ

Ф. ЭНГЕЛЬС И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НИДЕРЛАНДСКОГО
ЯЗЫКА

В труде Ф. Энгельса «Франкский диалект» поднимается целый ряд принципиально важных вопросов, связанных с изучением структуры и истории формирования нидерландского литературного языка и его диалектов. Труд этот, однако, не получил до сих пор должной оценки со стороны исследователей нидерландского языка, хотя значение его для развития нидерландистики представляется нам бесспорным.

Предлагаемая статья является лишь попыткой частично восполнить этот пробел и в сжатой форме охарактеризовать роль Ф. Энгельса в постановке и раскрытии наиболее существенных проблем изучения истории нидерландского языка. Энгельс освещает в своем труде — при постоянном учете экстралингвистических факторов — целый комплекс внутриязыковых процессов и явлений, реализуемых на разных уровнях структуры нидерландского языка. Известный германист и диалектолог Т. Фрингс, оценивая деятельность Энгельса как филолога, совершенно справедливо отмечает, что в его работе «дается меткая характеристика существенных особенностей нидерландского языка»¹. И действительно, Энгельс опирается в своей работе не только на прекрасное знание научно-теоретических основ современной ему нидерландистики, но и на богатый опыт своих личных наблюдений над особенностями немецких, голландских и фламандских диалектов.

Большое значение для понимания сложных путей развития языка нидерландской народности на базе различных племенных диалектов (при ведущей роли в этом процессе древненижнефранкского) имеет также тесно примыкающее к «Франкскому диалекту» историческое исследование Ф. Энгельса «К истории древних германцев», в котором дана подробная классификация древнегерманских племен с указанием зон их расселения к началу нашего летосчисления (основывающаяся на сведениях античных историков). Эта классификация вступает в противоречие со старой антиисторической схемой, согласно которой нидерландский язык, противопоставляясь англо-фризской группе языков, является непосредственным ответвлением нижнефранкского (как части нижнемецкого) без учета его сложных взаимодействий и контактов на территории Нидерландов с другими близкородственными германскими племенными диалектами². В этих трудах Энгельса раскрывается сущность его концепции франкско-

¹ Т. Фрингс, Энгельс как филолог, сб. «Немецкая диалектография», М., 1955, стр. 220.

² Показательно, что современные историки нидерландского языка также отказались от этой схематической классификации, считая ее «недостаточной». Ср.: M. Schönbeld, A. van Leeu, Historische grammatica van het Nederlands, 7 de dr., Zutphen, 1968, стр. XXIV; ср. также: В. М. Жирмунский, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.—Л., 1964, стр. 17—18.

го диалекта как языка исековской группы племен, который «уже в VI—VII веках был самостоятельным диалектом, представляющим переходное звено от верхненемецкого, т. е. прежде всего алеманнского, к ингвеонскому, т. е. прежде всего к саксонскому и фризскому...»³. Однако очень важно подчеркнуть, что, восстанавливая целостность и самостоятельность франкского диалекта, Ф. Энгельс неизменно учитывал при этом всю сложность и многосторонность его исторических связей и взаимодействий с этими отличными от него, хотя генетически и близкими, западногерманскими диалектами в процессе складывания на их базе отдельных языков германских народностей. Относя к исековскому племенному союзу (с его основным франкским ядром) также целый конгломерат мелких, впоследствии исчезнувших родственных племен⁴, как, например, хамавов, бруктеров, тенктеров, узипетов и др., Энгельс включает в него также и такие более отдаленные по своему родству племена, как принадлежавшие к хаттам (т. е. к эрминонам) батавы, заселившие дельту р. Мааса у левого берега Рейна⁵. Интересно, что следы пребывания некоторых из этих племен на территории Нидерландов находят свое отражение в отдельных древних топонимах (как, например, в местных названиях: *Hamaland* на р. Эйсел близ г. Девентера — от *Chamaven* «хамавы»; *Betuwe* — в Гелдерланде между реками Рейном, Леком и Ваалем — от *Bataven* «батавы»). Вышеупомянутое указание Энгельса на предположительный район древнего расселения батавов подкрепляется позднейшими данными историков нидерландского языка, в частности Де Войса⁶. Следует также отметить, что новейшие исследования по вопросу о франкской колонизации Южных Нидерландов (например, des Marex, позволяющие отнести ее к IV—V вв.), подтверждают положение Ф. Энгельса о завершении заселения этой области салическими франками к VI в.⁷

Особое значение для правильного понимания содержания диалектной базы нидерландского литературного языка приобретает удивительно глубокая для своего времени трактовка Энгельсом понятия ингвеонской группы племен (с выделением в ней фризско-саксонского ядра), сочетающаяся с очень четким и исторически обоснованным представлением об ареале ее древней локализации⁸.

Несмотря на длительную полемику, развернувшуюся за последнее время среди нидерландистов (и шире — среди германистов) в отношении объема и содержания терминов «ингвеонский», «фризский» и «саксонский» языки, а также по поводу области распространения франков, фризов и саксов, тезис об ингвеонской подоснове голландского варианта (исековского, т. е. франкского в своей основе) нидерландского языка остается в принципе незыблемым. Весьма показательным, что Шёнфельд и Ван Луй, подводя итоги этой полемики среди нидерландистов и приводя

³ Ф. Энгельс, Франкский диалект, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., XIX, 2-е изд., М., 1961, стр. 524; ср.: Ф. Энгельс, К истории древних германцев, там же, стр. 489.

⁴ Часть их локализовалась на нижнем Рейне на территории нынешних Нидерландов и северо-западной Германии.

⁵ Ф. Энгельс, К истории древних германцев, стр. 448; ср. также: В. М. Жирмунский, указ. соч., стр. 21, 28; 42—48.

⁶ Ср.: C. G. N. de Vooy, *Geschiedenis van de Nederlandse taal*, 5-de uitg. Antwerpen — Groningen, 1952, стр. 15—17.

⁷ Там же, стр. 21; M. Schönfeld, A. van Loeu, указ. соч., стр. XXVI.

⁸ Ф. Энгельс, К истории древних германцев, стр. 454, 485; ср. также: Th. Frings, *Die Stellung der Niederlande im Aufbau des Germanischen*, Halle, 1944, стр. 30—42; A. Weijen, *Nederlandse Dialectkunde*, 2-de dr., Assen, 1966, стр. 390—408, 432, 456; R. Heeroma, *Ingwaecoens* (Ts. 58, стр. 198 и сл.; Ts. 65, стр. 266 и сл.); M. Schönfeld, A. van Loeu, указ. соч., стр. XXII—XXIV, XXVIII—XXXII, XLIII—XLIV.

попытки некоторых из них уточнить или пересмотреть старые «племенные» наименования языков⁹, приходят к следующим знаменательным выводам: «На современном этапе исследований мы считаем более осторожным и несомненно более практичным не отказываться от терминов „франкский“, „саксонский“ и „фризский“»¹⁰. Ср., с другой стороны: «Ингвеонский — это обобщенное наименование для группы близкородственных диалектов, на которых первоначально говорили на побережье Северного моря и важнейшими из которых были: фризский, саксонский (до его франкизации) и английский. Этот термин следует предпочесть наименованию „англо-фризский“, который, между прочим, без всякого основания предполагает более близкую связь между фризским и английским»¹¹. В этих высказываниях, приведенных из последнего издания труда авторитетнейших историков нидерландского языка, обнаруживается точка зрения, в основном совпадающая со взглядами Ф. Энгельса, сформулированными им в 80-х годах прошлого века.

В острой полемике по поводу франкского диалекта с М. Гейне и В. Брауне, формалистически растворявшими нижефранкский диалект частью в саксонском, частью в нидерландском¹², у Энгельса выкристаллизовывается и единственно правильное в научном отношении понимание диалектной основы нидерландского литературного языка (в обеих его разновидностях: фламандской и голландской). Он усматривает ее в диалекте салических франков — одной из главных ветвей франкских племен, противостоящей другой ветви — рипуарским франкам, говорившим на особом диалекте. Энгельс пишет: «В настоящее время нет более никаких сомнений относительно того, что салический диалект продолжает жить в обоих нидерландских диалектах, фламандском и голландском, и притом в наибольшей чистоте на тех территориях, которые уже с VI в. стали франкскими»¹³.

Таким образом, применительно к диалектной базе нидерландского языка абстрактно-схематическое понятие нижефранкского диалекта наполняется у Энгельса конкретно-историческим содержанием и вместе с тем ограничивается от понятия рипуарского диалекта Кёльнской области. Весьма существенным является тот факт, что Энгельс, рассматривая салический диалект в качестве основы как фламандской, так и голландской разновидности нидерландского языка, отнюдь не считает его однородным целым, являющимся диалектной базой для каждой из них в равной степени. Об этом свидетельствует немаловажная оговорка, что салический диалект продолжает жить «в наибольшей чистоте на тех территориях, которые уже с VI века стали франкскими». Энгельс имеет здесь в виду как раз южнонидерландский (фламандско-брабантский) ареал, в наибольшей степени сохранивший салическую специфику и наименее подверженный диалектному смешению и инодиалектному влиянию¹⁴.

⁹ Как известно, ряд германистов либо отказался от общего термина «ингвеонский», заменив его наименованиями типа «северозападногерманский» (у Хаммериха), либо уточнял его географически (как, например, Т. Фрингс): «прибрежный ингвеонский» или «ингвеонский северноморского побережья» (Küsteningwäonisch), «западно-и восточноингвеонский» (у Хееромы). Некоторые нидерландские историки считали «племенные» наименования совершенно несостоятельными в силу своей гипотетичности (как, например, Слехтер ван Бат.). Ср.: M. Schönfeld, A. van Loeu, указ. соч., стр. XXIV, XLIV.

¹⁰ Там же, стр. XXV.

¹¹ Там же, стр. XXX.

¹² См.: Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 518—519.

¹³ Там же, стр. 524.

¹⁴ Далее Энгельс уточняет свое понимание исконного салического ареала, включая в него, помимо фламандско-брабантской части Бельгии, также «Северный Брабант и Утрехт, а также Гелдерланд и Оверэйссел, за исключением восточной, саксонской полосы» (Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 525).

С другой стороны, говоря о северном ареале, первоначально заселенном фризами и (на северо-востоке) саксами, Энгельс с предельной четкостью формулирует свое теперь уже уточненное понимание смешанной по своему характеру диалектной основы северонидерландского (голландского) варианта литературного языка. Он пишет: «На западе он (фризский язык. — С. М.) был оттеснен или совсем вытеснен нидерландским языком, на востоке и севере — саксонским и датским; но в обоих случаях он оставлял сильные следы в языке, который вытеснял его. Древнефризская Зеландия и Голландия сделались в XVI и XVII веках центром и опорным пунктом борьбы за независимость Нидерландов... Здесь поэтому преимущественно и складывался новонидерландский литературный язык, воспринимая фризские элементы, слова и формы слов, которые следует отличать от франкской основы. С другой стороны, с востока на прежние фризские и франкские территории проник саксонский язык»¹⁵. В приведенном отрывке дана в чрезвычайно сжатой форме исчерпывающая и глубоко научная характеристика языковых отношений, сложившихся в Нидерландах XVI—XVII вв. в связи с переносом центра языкового развития на Север и со смещением диалектной базы нидерландского литературного языка. Вместе с тем здесь очень ярко и убедительно показан гетерогенный, смешанный характер новонидерландского языка: необходимость выделения в нем основного франкского ядра и элементов ингвеонского (преимущественно фризского) субстрата. Интересно в этой связи, что зеландские и голландские земли Энгельс именует «древнефризскими», имея в виду их первоначальное заселение автохтонными фризскими племенами¹⁶. С другой стороны, отмеченное Энгельсом проникновение саксонского языка в восточнонидерландский ареал и контактирование его с франкским и фризским находит впоследствии подтверждение в некоторых точках зрения на возникновение groningenского диалекта (в частности, у Хойзинги, Хееромы и др.) и в гипотезе Хееромы о «восточноингвеонской инвазии» саксов на территорию северо-восточных Нидерландов в IV—V вв.¹⁷

Чрезвычайно важное значение имеет последовательно проводимое Энгельсом разграничение салического франкского диалекта (на базе которого сложился нидерландский язык) и рипуарского франкского (на территории Германии). Устанавливая между ними тесные связи, обусловленные их близким родством, он вместе с тем выявляет определенные признаки их дифференциации и намечает диалектные границы между ареалами их распространения, которые, однако, как подчеркивает Энгельс, не совпадают с нидерландско-германской границей¹⁸. Очень тонким и интересным в историко-лингвистическом плане представляется утверждение Энгельса, что рипуарский диалект в ряде случаев обнаруживает большее сходство с средненидерландским языком, чем с новонидерландским, в силу проникновения в последний инодиалектных (ингвеонских) элементов, изменивших его специфику¹⁹.

Весьма плодотворным является обильное и систематическое привлечение Энгельсом диалектного материала, широко используемого им для

¹⁵ Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 524—525.

¹⁶ Ср.: С. G. N. de Vooys, указ. соч., стр. 21. Автор фактически подтверждает эту точку зрения. Ср. также: M. Schöpfung, A. van Leeuwen, указ. соч., стр. XXV, XXIX—XXX. Последний, правда, не включает в древнефризский ареал зеландскую и западно-фламандскую диалектные области, пытаясь объяснить имеющиеся в них «ингвеонизмы» влиянием других ингвеонских племен, якобы живших на этой территории.

¹⁷ См.: «Tijdschrift voor Nederlandsche taal-en letterkunde», 58, стр. 198 и сл.; «Nieuwe Taalgids», 37, стр. 1 и сл.: A. Weijnen, указ. соч., стр. 399.

¹⁸ Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 527—528.

¹⁹ Там же, стр. 529.

обоснования фактов истории языка. В отношении немецких диалектов на это обратил внимание В. М. Жирмунский: «Но что имеет принципиальное, методологическое значение, данные древних письменных диалектов Энгельс контролирует показаниями современных живых народных говоров»²⁰. Это в полной мере относится и к оценке Энгельсом материала нидерландских территориальных диалектов, являющегося ключом к пониманию целого ряда процессов развития литературного языка. Энгельс пишет: «Более обстоятельное исследование нидерландских народных говоров, наверное, откроет еще не мало важного»²¹.

Ф. Энгельс не ограничивается в своем исследовании выявлением места нидерландского языка среди ряда других западногерманских языков, выяснением специфики его диалектной основы и характеристической общей линии его исторического развития. Он выделяет и наиболее существенные структурные признаки нидерландского языка (обнаруживаемые им как на фонетическом, так и на морфологическом уровнях), для раскрытия и обоснования которых он привлекает большой конкретно-лингвистический материал.

Касаясь нидерландского вокализма, Энгельс останавливается, прежде всего, на явлении понижения (расширения) кратких гласных $i > e$ (в разных позициях), $u > o$ (особенно последовательно в позиции « $m, n +$ согласный») типа: *brenghen* (<*bringen*) «приносить», *hemel* (<*himel*) «небо», *geweten* (ср. нем. *gewissen*) «совесть», *ben* (<*bin*) форма 1-го лица ед. числа глагола «быть», *stem* (ср. нем. *Stimme*) «голос», *mond* (<*mund*) «рот», *hond* (<*hund*) «собака», *jong* (<*jung*) «молодой», *ons* (<*uns*) «нам; нас» и др.²² и совершенно справедливо считает его одним из характерных фонетических признаков нидерландского литературного языка, восходящих к древней франкской специфике. Он аргументирует это примером из текста формулы присяги к капитулярию Карломанна (743 г.): *es forsacho* «я отрекаюсь», где *es* вместо *ich* и теперь еще очень распространено среди франков²³. В качестве дополнительного материала, свидетельствующего о большой древности этого явления, Энгельс привлекает также данные саллической антропонимии. Устойчивый общефранкский характер понижения $i > e$, $u > o$ подкрепляется также материалом современных нижнефранкских и среднефранкских диалектов²⁴. В этой связи очень существенным является следующее замечание Энгельса: «Если литературный нидерландский язык имеет *ik*, то в народной речи, о с о б е н н о в о Ф л а н д р и и (разрядка наша. — С. М.), довольно часто приходится слышать *ek*»²⁵. Весьма примечательно здесь прямое указание на фламандский ареал, который, судя по новейшим данным, полученным в результате анализа обширного средненидерландского и новонидерландского языкового материала, является бесспорно очагом расширения²⁶. Особен-

²⁰ В. М. Ж и р м у н с к и й, Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 46—47; ср. также: В. М. Ж и р м у н с к и й, «Франкский диалект» Энгельса и проблемы немецкой диалектологии, «Ин. яз. в шк.», 1954, 5, стр. 8.

²¹ Ф. Э н г е л ь с, Франкский диалект, стр. 527.

²² Там же, стр. 525.

²³ Там же, стр. 523. Об этом свидетельствует также Р. Брух (см.: R. B r u c h, Das Luxemburgische im westfränkischen Kreis, 1954, стр. 60—65; ср. также: В. М. Ж и р м у н с к и й, Введение ..., стр. 179—180).

²⁴ Ср. приводимые Энгельсом аналогичные формы с *-e* из соседних немецких рипуарско-франкских говоров: *eich* (в Трире и Люксембурге), *ech* (в Кёльне и Аахене), *ék* (в бергском диалекте).

²⁵ Ф. Э н г е л ь с, указ. соч., стр. 523. Это очень меткое наблюдение Энгельса подтверждается данными современного фламандского разговорного языка. Даже в устах образованных горожан здесь можно слышать *ek* вместо *ik*.

²⁶ Понижение $u > o$ также широко представлено во фламандских диалектах, но все же оно более типично для брабантской диалектной области (а также для рипуарского).

но интенсивно осуществляется этот процесс в восточнофламандских диалектах, наиболее последовательно отражающих эту тенденцию, свойственную древнему языку салических франков²⁷. Позиционно ограничено явление расширения в западнофламандском.

Очень существенным в историко-лингвистическом плане является положение Энгельса о более последовательной реализации понижения гласных *i* и *u* в средненидерландском языке по сравнению с новонидерландским. Он иллюстрирует это положение следующими очень показательными примерами: ср.-нид. *gewes* вместо нов.-нид. *gewis* «определенный», ср.-нид. *es* вместо нов.-нид. *is* — 3-е лицо ед. числа наст. вр. глагола «быть», ср.-нид. *blent* — нов.-нид. *blind* «слепой», ср.-нид. *selver* — нов.-нид. *zilver* «серебро», ср.-нид. *konst* — нов.-нид. *kunst* «искусство», ср.-нид. *gonst* — нов.-нид. *gunst* «покровительство» и др.²⁸.

Средненидерландским формам с *e*, *o* в корне здесь четко противостоят новонидерландские варианты с узкими гласными *i*, *u* в корне. Раскрывая значение этих примеров, Энгельс пишет: «Средненидерландский язык, выросший на чисто франкской почве, в этом отношении вполне согласуется с рипуарским; но уже в меньшей степени — литературный новонидерландский язык, подвергшийся фризскому влиянию»²⁹.

В этом утверждении заключается очень существенный вывод, что, если средненидерландские (франкские в своей основе) формы с *e* вместо *i* и с *o* вместо *u* присущи, главным образом, фламандско-брабантским и (близким к рипуарскому) лимбургским диалектам, то соответствующие им новонидерландские (литературные) формы с узкими вариантами гласных (*i* и *u*) являются голландскими по своему происхождению, а специфика их обусловлена воздействием ингвеонского (фризского) субстрата. С другой стороны, Энгельс констатирует и случаи совпадения огласовки в средненидерландском и новонидерландском (при наличии и здесь и там расширения рассматриваемых гласных), как, например: *brenghen*, *ben*, *mond*, *hond*, *ons* и др.³⁰. Оперирование этими разнообразными примерами и истолкование их свидетельствует о том, что Энгельс отчетливо осознавал гетерогенный характер литературной нормы нидерландского языка, в которой широкие варианты гласных (*e*, *o*) отражают южнонидерландскую (фламандско-брабантскую) диалектную специфику, а узкие варианты (*i*, *u*) являются рефlekсами северненидерландских (голландских) черт.

Останавливаясь на нидерландском вокализме, Энгельс бегло затрагивает и ряд других существенных явлений и процессов, сопоставляемых им с немецкими и рипуарскими диалектными особенностями. Так, характеризуя дифтонгизацию долгих гласных $\hat{i} > ei$, $\hat{u} > ui$ как новонидерландское явление, он отмечает ее отсутствие в рипуарском и, по-видимому, в средненидерландском языке³¹, где сохраняются старые долгие. Не ограничиваясь этими общими замечаниями, Энгельс уточняет фонетическую специфику нового дифтонга $ei (< \hat{i})$, подчеркивая его относительно

²⁷ По-видимому, Энгельс подмечает и это, так как приводит характерный пример из области гентской (т. е. восточнофламандской) топонимики: *Destelbergen* и *Desteldonk* (*destel* вместо *distel* «чертополох»). См.: Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 525.

²⁸ Там же, стр. 525, 529.

²⁹ Там же, стр. 525.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 525—526. В свое время Ф. Энгельс не мог знать о раннем зарождении дифтонгизации $\hat{i}$, $\hat{u}$ в брабантском ареале в XIII—XIV вв., т. е. еще в средненидерландский период, тем более, что она, как правило, не отражалась в орфографии литературных памятников (диграфы ij и ui , uy обозначали первоначально долгие гласные).

узкий характер, отличный от верхненемецкого *ai* и почти совпадающий со старым нидерландским дифтонгом *ei* (но менее узкий, чем датское и славянское *ej*)³². Попутно отмечается также более закрытый характер нидерландского старого дифтонга *ou*, *ouw*, соответствующего верхненемецкому *au*. Очень кратко касается Ф. Энгельс также вопроса об умлауте и возможности использования его в морфологических целях. Как известно, умлаут не получил широкого распространения в нидерландском литературном языке и, в результате выравнивания форм, не был использован в качестве продуктивного средства выражения тех или иных грамматических категорий (как это имело место в немецком языке). По этому поводу Энгельс пишет: «Перегласовка исчезла из флексии. В склонении единственное и множественное число, а в спряжении изъявительное и сослагательное наклонения имеют одну и ту же корневую гласную»³³. При этом он подчеркивает резкое отличие в этом отношении нидерландского языка от рипуарского диалекта, где условия «в общем совпадают с верхненемецким языком, а в отдельных исключительных случаях с саксонским»³⁴. Однако Энгельс указывает на ряд случаев проявления умлаута в нидерландском языке в словобразовании, имея в виду перегласовку краткого *a* в *e* (перед *i*) и специфически нидерландские формы умлаута: от долгого *u* > *ÿ* (типа *hûs* «дом») и от долгого *ê* (< *ai*) > *ei* (типа *reïn* «чистый»), отсутствующие в рипуарском. К явлению перегласовки Энгельс совершенно правильно и с глубоким знанием дела относит также возникновение долгого *ei* [f:] из краткого *o* (верхненем. *u*) в результате палатализации последнего в открытом слоге. Обнаруживая в средненидерландском параллельные варианты формы с *ei* и *o* (типа ср.-нид. *jeughet* наряду с *joghet*, нов.-нид. *jeugd* «молодость; молодежь»; *deur* наряду с *dor* «дверь» и др.), Энгельс говорит о «проникновении» в этот язык *ei* вместо *o* (и наряду с *o*). Он предвосхищает, тем самым, новейшую гипотезу о незавершенности в средненидерландском процесса реализации *ei* как самостоятельной фонемы (она стабилизировалась, по-видимому, лишь к концу переходного периода, т.е. к XVI—XVII вв.)³⁵.

В сфере консонантизма Ф. Энгельс отмечает, прежде всего, спирантный характер согласного *g* (особенно в интервокальной позиции и в ауслауте) как наиболее типичный признак нидерландского, восходящий к общефранкской специфике. Он пишет: «...нидерландский язык не знает чистого *g* (заднеязычного итальянского, французского или английского *g*). Эта согласная произносится как сильно придыхательное *gh*, которое в некоторых сочетаниях звуков не отличается от глубоко заднеязычного (швейцарского, новогреческого или русского) *ch*»³⁶. И далее: «...все франки лишены возможности произносить звук *g* в середине и конце слова иначе, как звонкий *ch*»³⁷. Наряду с констатацией

³² Там же, стр. 525.

³³ Там же, стр. 525—526.

³⁴ Там же, стр. 529. Ср. также: В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, стр. 185—193; е го же, Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии, в кн.: «Академику В. В. Виноградову к его 60 летию», М., 1956, стр. 137—146; M. Schö n f e l d, A. v a n L o e u, указ. соч., стр. 40—47.

³⁵ Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 526. Автор отмечает, что «это вполне совпадает с развившимся начиная с XII в. северофранцузским *eu* вместо латинского *o* под ударением».

³⁶ Там же, стр. 526.

³⁷ Там же, стр. 543. Ср. также: В. М. Жирмунский, Введение ..., стр. 150—151, 177—178; M. Schö n f e l d, A. v a n L o e u, указ. соч., стр. 17. Эту характеристику следовало бы дополнить указанием на то, что спирантный характер *g* проявляется и в начале слова, а также, что эта черта общая у франкского и со всеми ингвеонскими диалектами (а не только с саксонским).

весьма существенного признака спирантности нидерландского и общесалического *g*, здесь очень тонко подмечается его тенденция к оглушению в определенных комбинаторных условиях и его «глубоко заднеязычный» характер. Подчеркивая древность спирантного *g* в салическом франкском диалекте³⁸, Энгельс оперирует, между прочим, примером из вышеупомянутой формулы присяги: *es forsacho* «я отрекаюсь», где вместо смычного *g* в интервокальном положении стоит *ch*, свидетельствующее о спирантном характере согласного³⁹. Сопоставляя нидерландское *g* (звонкий спирант) и глухой его вариант *ch* с рипуарско-франкскими *g* и *ch*, Энгельс устанавливает между ними тонкие различия, проявляющиеся в степени интенсивности их артикуляции как спирантов. Нидерландское *g* определяется им как более сильное, рипуарско-франкское — как более слабое⁴⁰.

К общесалическим особенностям, находящим свое отражение и в нидерландском консонантизме, Энгельс относит также спирантный характер интервокального *b*, переходящего в *w* (ср. в нид. *leben* > *leven* «жить»). Однако он затрагивает этот вопрос лишь вскользь и применительно к рипуарскому диалекту⁴¹.

Непосредственное отношение к нидерландскому консонантизму имеет также выделение Энгельсом еще одного характерного общесалического признака — устойчивого сохранения *n* перед глухими спирантами (преимущественно *s* и *ʃ*), типа: др.-н.-франк. *munt* «уста»; *kunt* «известный»; *uns* «нам; нас»; *andar* «другой» и т. д. (ср. в нид. *mond*, *kond*, *ons*, *ander* и др.)⁴². Особенно показательно сохранение *n* перед спирантами для восточнофламандского и брабантского ареалов, отражающих в данном случае старую салическо-франкскую диалектную специфику. Энгельс противопоставляет этой исключительно франкской черте выпадение *n* в указанной позиции как типично ингвеонскую особенность, присущую древнефризскому, древнесаксонскому и англосаксонскому — лишь в разной пропорции (ср. примеры: *mudh*, *kudh*, *us*, *odhar* и др., извлеченные из «Гелианда»). Он приводит также редкие случаи лишенных *-n* форм из древних франкских памятников, трактуя их как ингвеонские реликты⁴³.

Далее Энгельс останавливается на двух очень типичных явлениях именно нидерландского консонантизма: на выпадении интервокального *-d-* и на вокализации *l* перед дентальными (в сочетаниях *al*, *ol* + *d*, *t*)⁴⁴.

Говоря о выпадении *-d-* между гласными, он усматривает, однако, общность этого явления с аналогичными процессами в саксонском и в скандинавских языках и очень верно отмечает максимальную частотность его в нидерландском в позиции между двумя *e* (в лексемах типа: *leder* > *leer* «кожа»; *weder* > *weer* «погода; опять»; *neder* > *neer* «вниз»), но приводит и другие типичные случаи (*vader* > *vaer* «отец», *moeder* > *moer* «мать» и др.).

³⁸ Энгельс отмечает наличие спирантного *g* не только в салическом, но частично и в рипуарско-франкском, а также в саксонском (Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 526, 530).

³⁹ Там же, стр. 523, 526.

⁴⁰ Там же, стр. 530.

⁴¹ Там же, стр. 543, 545. Ср. также: В. М. Жирмунский, Введение..., стр. 151—152, 177—178.

⁴² Энгельс показывает, что древние салические памятники также везде сохранили *n*, в частности, в именах собственных: *Gund*, *Segenand*, *Chlodosindis*, *Ansbertus* и т. д. (см.: Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 521).

⁴³ Там же, стр. 520—521. Ср.: В. М. Жирмунский, Введение..., стр. 144—146, 177; М. Schönfeld, A. van Loeu, указ. соч., стр. XXXIII, 25—28.

⁴⁴ Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 526—527.

Явление вокализации *l* перед дентальными *d*, *t* (в сочетаниях типа: *ald*, *alt*, *old*, *olt* > *oud*, *out*) как типично нидерландская особенность также рассматривается Ф. Энгельсом на широком фоне исторических связей и сопоставлений с другими германскими языками⁴⁵. Констатируя отсутствие этого явления во всех континентальных германских языках, он обнаруживает, однако, аналогичный процесс вокализации *l* в современном английском ланкаширском диалекте (в формах: *gowd*, *howd*, *owd*, вместо *gold*, *hold*, *old*). В отношении нидерландского ареала отмечается реализация этого явления уже в средненидерландском и непоследовательный ее характер (сохранение вариантных форм типа: *guldin*, *hulde*, *sculde*)⁴⁶. Отсутствие у Энгельса указаний на территориальные ограничения вокализации *l* в средненидерландском может только свидетельствовать о его прекрасной осведомленности в том, что это явление охватывало тогда уже всю основную языковую территорию Нидерландов (как фламандско-брабантский, так и голландский ареалы), за исключением северо-восточной и частично юго-восточной реликтовых областей, которые он в данном случае не учитывал, относя их соответственно к саксонскому и немецкому языковым ареалам⁴⁷.

Нельзя не отметить, что Энгельс учитывает и целый ряд более частных особенностей нидерландского консонантизма, как например: сохранение сочетания согласных *wr* в анлауте (типa: *wringen* «крутить», *wreed* «жестокый», *wreken* «мстить») в противоположность верхненемецкому отпадению начального *w* в этом сочетании⁴⁸; отражение *sch* (< *sk*) как *sx* (*s* + *ch*) в начале слова⁴⁹, а также явление палатализации *k* перед гласным переднего образования, особенно в формах уменьшительного суффикса *-tje*, *-je*⁵⁰ (см. об этом ниже).

Значительное внимание во «Франкском диалекте» уделяется и особенностям морфологии нидерландского языка.

В сфере склонения и образования множественного числа существительных Энгельс отмечает одну из самых характерных и самобытных черт нидерландского языка, отличающих его от ряда других близкородственных германских языков (и в первую очередь, от немецкого), а именно: интенсивное стирание различий между сильным и слабым склонением и неиспользование умлаута как морфологического показателя категории множественного числа. Он пишет по этому поводу: «Нидерландское склонение обнаруживает полное смешение сильных и слабых форм, а так как перегласовки во множественном числе также не бывает, то нидерландские образования множественного числа совпадают с рипуарскими или саксонскими только в очень редких случаях, и в этом также состоит весьма ощутительная особенность нидерландского языка»⁵¹. Не ограничиваясь

⁴⁵ Там же, стр. 526. Ср. также: M. Schö n f e l d, A. v a n L o e y, указ. соч., стр. 70—71.

⁴⁶ Возникновение этих вариантных форм вызвано *i*-умлаутом, в условиях которого вокализации *l* не происходит.

⁴⁷ Характерно, что в восточнонижнефранкских «Вахтендонкских псалмах» вокализации *l* не наблюдается (ср.: *golt* «золото», *geuult* «сила», *uuolda* «хотел» и др.). Невокализованный согласный сохранялся и в древнефризском (ср.: *âld* «старый», *kâld* «холодный» и т. п.).

⁴⁸ Ф. Э н г е л ь с, Франкский диалект, стр. 527, 529. Интересно, что отмечаемый автором переход *wr* > *fr*, свойственный рипуарскому, имеет аналогию в нидерландском общинно-разговорном языке и в целом ряде диалектов, где *wr* также переходит в *vr* (уже в XVI в.). Это связано с изменением его артикуляции и частичным оглушением.

⁴⁹ Там же, стр. 532.

⁵⁰ Там же, стр. 527.

⁵¹ Там же.

этим очень существенным замечанием, Энгельс выделяет среди нидерландских суффиксов множественного числа, прежде всего, форматив *-s* как один из наиболее продуктивных и широко распространенных⁵². Сопоставляя сферы их употребления в нидерландском и рипуарском, он приходит к важному выводу, что они «почти никогда не совпадают». Это действительно так, так как лексемы, к которым он присоединяется, в обоих языках не являются идентичными.

Вскользь касаясь вопроса о грамматическом роде, Энгельс приводит лишь один, но, тем не менее, весьма яркий пример колебания в роде существительного — нид. *beek* (нем. *Bach*) «ручей», которое, в отличие от немецкого языка (где оно сохраняет принадлежность к мужскому роду), во всех салических и рипуарских диалектах⁵³ (а следовательно, и в нидерландском) имеет тенденцию переходить в женский род.

Останавливаясь кратко на местоимениях, Энгельс привлекает для иллюстрации своего положения об общности франкской и ингвеонской специфики их структуры — в противоположность верхненемецкой — также нидерландские формы: *hi* «он», *de* (определенный артикль), *die* «тот, та, те» (указательное местоимение), *wie* «кто». Все они, продолжая древние салические формы (совпадающие структурно и с рипуарскими), характеризуются отсутствием элемента *r* как признака именительного падежа⁵⁴.

Касаясь системы спряжения, Энгельс констатирует отсутствие флексии *-n* в 1-м лице настоящего времени глагола в салических диалектах и, тем самым, в нидерландском в отличие от рипуарских диалектов, для которых она как раз характерна (типа: *dat dōn ek* «я это делаю») ⁵⁵, а также отмечает унифицированную форму для всех лиц множественного числа настоящего времени глагола (на *-d*, *-dh*, *-th* с выпадением *-n*) во всех ингвеонских диалектах (однако, без ссылки на саксонский ареал нидерландской языковой территории, которому она была также свойственна) ⁵⁶. Между прочим, известное, «вполне современное объяснение» ⁵⁷ Энгельсом унифицированных форм множественного числа глагола [на *-(ō)nd*, *-(e)nt*], встречающихся в Коттонской рукописи «Гелианда» и сопоставляемых им с формами современного бергского диалекта⁵⁸, полностью применимо и к некоторым смешанным франкско-саксонским и франкско-фризским нидерландским диалектам, в которых отмечается выравнивание форм множественного числа не по фризскому или саксонскому типу (с обобщением конечного дентального согласного), а с характерным сохранением франкской специфики, т. е. с унификацией по трем лицам флексии *-en* (как, например, в диалектах Кемпена или Западной Велюве).

Обращает на себя внимание и интерес Энгельса к особенностям нидерландского словообразования. Он останавливается, в частности, на вариантных палатализованных формах уменьшительного суффикса *-ken*: *-tje*, *je* (типа: *mannetje* «человечек», *halsje* «шейка» и др.), совершенно спра-

⁵² Там же, стр. 529.

⁵³ Там же, стр. 542. Относясь первоначально к лексемам мужского рода (краткосложным *i*-основам), это существительное колеблется в роде в средненидерландском (уже с заметным перевесом в сторону женского рода, особенно во фламандском ареале), с тем, чтобы под южнонидерландским влиянием закрепиться за женским родом в современном нидерландском литературном языке и в ряде его диалектов (ср.: С. А. Мионов, Морфология имени в нидерландском языке, М., 1967, стр. 34, 59—61).

⁵⁴ Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 527.

⁵⁵ Там же, стр. 522—523. Спорадически встречающиеся формы 1-го лица глагола с окончанием *-n* в средненидерландском были, по-видимому, неизвестны Ф. Энгельсу.

⁵⁶ Там же, стр. 519—520.

⁵⁷ Как его характеризует Т. Фрингс (см.: Т. Фрингс, указ. соч., стр. 221).

⁵⁸ Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 520.

ведливо объясняя в них палатализацию $k > tj > j$ ингвеонским (фризским) влиянием: «Из фризского языка нидерландский язык заимствовал смягчение уменьшительного окончания *ken* в *tje, je...*»⁵⁹. Утверждение это подкрепляется позднейшими исследованиями и материалом современных нидерландских диалектов⁶⁰. Очагом этого явления считают ныне Западную Фрисландию, где в XIII—XIV вв. *k* подверглось палатализации (перед последующим *i*) и постепенно стало распространяться на юг, охватив в первую очередь Голландию.

Отмечая, что непалатализованная вариантная форма уменьшительного (на *-ken*, типа *manneken*) лучше сохраняется во фламандском диалекте, Энгельс очень точно определяет ее ареальную принадлежность и четко ограничивает ее от северонидерландского (голландского) варианта (на *-tje, -je*)⁶¹.

Выявляя географическую дифференциацию западногерманской диалектной лексики, Энгельс попутно затрагивает и нидерландский ареал. В качестве иллюстративного материала он приводит нид. *baten* «приносить пользу; быть полезным», *zeker* «некий; определенный», *mus(ch)* «воробей», восходящие к общефранкской лексической прослойке, а поэтому находящие свое отражение и в пфальцских говорах Германии⁶².

Наконец, Энгельс обращается и к данным нидерландской топонимики для доказательства своего положения об общности целого ряда географических названий всему западногерманскому ареалу независимо от той или иной его племенной специфики⁶³. Эти данные могут быть, однако, использованы как дополнительный материал для изучения истории нидерландского языка и выявления общефранкских (а также ингвеонских и арминонских) диалектных особенностей. Рассматриваемые им древние топонимы, встречающиеся и на территории Нидерландов, представляют собой сложные слова со вторыми компонентами: *-willer*⁶⁴, *-hoven*⁶⁵, *-ingen*⁶⁶, *-hausen* (нид. *-huizen*)⁶⁷, *-ham* (юго-вост. и нем. *-heim*)⁶⁸, *-beek* (ср. нем. *-bach*), *-loo*⁶⁹ и др. Оформление этих лексем (при общности их корней в различных западногерманских ареалах) отражает диалектную

⁵⁹ Там же, стр. 527. Ср. также: В. М. Жирмунский Введение ..., стр. 149—150; Т. Фрингс, указ. соч., стр. 220.

⁶⁰ См.: M. Schönfeld, A. van Loeu, указ. соч., стр. 221—223; A. Weijnen, указ. соч., стр. 334—335; W. Pée, Dialectgeographie der Nederlandsche diminutiva, I—II, 1936—1938.

⁶¹ Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 527. Ср. в этой связи аналогичное замечание Шёнфельда: «Ныне *-ke* употребляется ... прежде всего в южных диалектах» (M. Schönfeld, A. van Loeu, указ. соч., стр. 218).

⁶² Ф. Энгельс, Франкский диалект, стр. 532, 545—546.

⁶³ Там же, стр. 528, 535—541.

⁶⁴ Ф. Энгельс находит два из них: *Waeswiler* и *Nuswiler* на территории Нидерландов. Для них характерно сокращение долготы корневого гласного (*i > i*) в *-willer* и отсутствие дифтонгизации *i > ei* (ср. нем. *-weiler*) (там же, стр. 535).

⁶⁵ Энгельс обнаруживает большое количество топонимов на *-hoven* как в Нидерландах, так и в Бельгии (ср. *Orphoven*, *Kinkhoven* и др.) и отмечает также расположенные на юго-западе его варианты формы на *-hove* и *-hof*. По мнению Энгельса, *-hoven* носит общефранкский характер (там же, стр. 535—536).

⁶⁶ Очень широкое распространение на территории Нидерландов и Бельгии топонимов на *-ingen* увязывается Энгельсом с их одновременно ингвеонской и франкской спецификой (там же, стр. 537—539).

⁶⁷ Нидерландские топонимы на *-hutzen* подтверждают положение Энгельса об очень широком распространении этого образования во всем западногерманском ареале.

⁶⁸ Рассматривая вариантную форму *-ham* как исконно салическую, Энгельс противопоставляет ей юго-восточный вариант *-heim* (лит. нид. *-hem*), зарегистрированный им в зоне, пограничной с рипуарским ареалом (там же, стр. 540).

⁶⁹ Оба топонима относятся к общефранкскому ареалу.

специфику и проявляется в сосуществовании вариантных форм (типа: *-hoven, -hove, -hof; -ham, -het, -heim*), очень тонко и с большой эрудицией анализируемых Энгельсом в его работе.

Подводя итоги, следует отметить чрезвычайно широкий охват Энгельсом в его «Франкском диалекте» нидерландского языкового материала (на всех его уровнях), его исключительную осведомленность в вопросах истории нидерландского языка и его диалектологии, а также большую научную ценность и актуальность целого ряда его положений, во многом предвосхитивших выводы позднейших исследователей. Роль Энгельса в изучении истории нидерландского языка до сего времени еще не учтена и совершенно не оценена по достоинству в зарубежной нидерландистике, а между тем указанный труд его является несомненно основополагающим научным исследованием и в этой области германского языкознания.